

ДЖОН
Коннолли

КНИГА

ПОТЕРЯННЫХ

ВЕЩЕЙ

Книга 1

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К64

John Connolly
THE BOOK OF LOST THINGS

Copyright © 2006 by John Connolly.

This translation published by arrangement
with Darley Anderson and Synopsis Literary Agency.

Коннолли, Джон.

К64 Книга потерянных вещей. Книга 1 / Джон Коннолли ; [перевод с английского Е. Р. Волковыского, А. И. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-199843-1

После смерти матери Дэвид чувствует себя ужасно одиноким. Компанию ему составляют лишь книги на полке. Постепенно эти книги начинают шептаться с ним во тьме. Найдя убежище в мифах и сказках, которые так любила его мать, мальчик обнаруживает, что реальный мир и мир фантазий сливаются. А потом к нему пришел Скрюченный Человек. Пришел и с насмешливой улыбкой сказал: «Добро пожаловать, Ваше Величество. Слава новому королю...»

И пока в Европе бушует Вторая мировая война, Дэвид переносится в страну, оказавшуюся странным, пугающе реальным отражением нашего мира. Страну, сплетенную из мифов и историй, населенную волками, похожими на людей, и людьми, которые хуже волков. Страну, где правит увядший король, хранящий свои секреты в легендарной «Книге потерянных вещей»...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Волковыский Е.Р., Лисочкин А.И.,
перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199843-1

*Эта книга посвящается
взрослой Дженифер Ридьярд, а также
Камерону Ридьярду и Алистеру Ридьярду,
которые слишком скоро тоже станут взрослыми.
Ведь в каждом взрослом живет ребенок,
а каждый ребенок — будущий взрослый.*

В сказках, которые мне рассказывали в детстве, живет более глубокий смысл, чем в правде, которую преподает жизнь.

Фридрих Шиллер (1759–1805)

Все, что ты способен вообразить, — реально.

Пабло Пикассо (1881–1973)

Обо всем обретенном и утраченном¹

Жил-был — ведь именно так положено начинать любую историю — один мальчик, который потерял свою маму. На самом деле он очень долго ее терял. Ее убивала ползучая, трусливая болезнь — недуг, разъедающий изнутри, медленно поглощающий внутренний свет, поэтому с каждым днем мамины глаза становились чуть-чуть тусклее, а кожа — немного бледнее.

И по мере того как мама исчезала, мальчик все сильнее боялся потерять ее. Он хотел, чтобы она осталась. У него не было ни братьев, ни сестер, и хотя он любил своего отца, по справедливости надо сказать, что мать он любил больше. Он и подумать боялся, что можно жить без нее.

Мальчик — его звали Дэвид — делал все возможное, чтобы мама осталась жить. Он молился. Он старался быть хорошим, чтобы она не пострадала за его ошибки. Он ходил по дому как можно тише и не кричал, когда играл в солдатики. Он придумал себе повседневные ритуалы и старался точно выполнять их, потому что в глубине души верил: судьба мамы связана с его поступками. Проснувшись, он вставал с левой ноги. Он считал до двадцати, когда чистил зубы, и заканчивал, только досчи-

¹ Текст «Книги потерянных вещей», кроме авторского послесловия и приложения, переведен Е. Волковым.

тав до конца. Он дотрагивался до ручек дверей и кранов в ванной определенное количество раз. Нечетные числа были плохие, а четные — хорошие, причем лучше всего два, четыре и восемь. А вот шесть он не любил, потому что шесть — это дважды три, а три — вторая часть тринадцати, а тринадцать уж всяко плохое число.

Если он ударялся обо что-нибудь головой, то обязательно делал это и во второй раз, чтобы число ударов стало четным. Иногда он повторял это снова и снова, потому что голова как-то не так отскакивала от стены или волосы скользили по ней, хотя он этого не хотел, и счет сбивался. В конце концов он набивал себе шишку, а голова болела и кружилась. Целый год (в тот год маме стало совсем плохо) он каждое утро относил из спальни на кухню, а перед сном приносил обратно маленькую книжку избранных сказок братьев Гримм и старый потрепанный журнал комиксов. Книжку надо было положить точно посередине журнала, потом оба предмета совместить с краем коврика на полу спальни, если дело было вечером, а утром — оставить на сиденье его любимой кухонной табуретки. Таким образом Дэвид вносил собственную лепту в мамино выживание.

Каждый день после школы он садился у ее кровати и беседовал с ней, если у нее хватало сил. Или просто смотрел, как она спит, считая каждый ее тяжелый хриплый вдох, и мечтал, чтобы она осталась с ним. Часто он приносил с собой книжку, и, если мама не спала и у нее не слишком болела голова, она просила почитать ей. У нее были и свои книги — любовные романы и детективы в черных переплетах, напечатанные крохотными буквами, — но она предпочитала слушать, как Дэвид читает ей стародавние истории: легенды и мифы, волшебные сказки, рассказы о замках и приключениях, о страшных говорящих зверях. Дэвид соглашался, хотя в свои двенадцать лет он вырос из детских книг, но по-прежнему

любил их, а главное — мама с удовольствием слушала эти истории.

До болезни мама Дэвида часто говорила ему, что эти истории живые. Живые не так, как люди, и даже не так, как собаки или кошки. Люди живы независимо от того, обращаешь ты на них внимание или нет, а собаки сами не дадут тебе забыть о них, если ты недостаточно к ним внимателен. Что касается кошек, то они отлично умеют притвориться, будто людей вовсе не существует. Однако речь не об этом.

С историями всё по-другому: они оживают лишь когда их рассказывают. Без человеческого голоса, читающего их вслух, без широко раскрытых глаз, бегущих по строкам при свете фонарика под одеялом, они не существуют в нашем мире. Они — как зерна в птичьем клюве, ожидающие возможности упасть в землю и прорасти. Или ноты, жаждающие инструмента, способного дать жизнь музыке. Они дремлют в надежде на случай, который пробудит их. Если кто-то их читает, они получают возможность пустить корни в воображении читателя и изменить его. Истории желают быть прочитанными, шептала мама Дэвида. Им это необходимо. Вот почему они устремляются из своего мира в наш. Они хотят, чтобы мы дали им жизнь.

Все это мама рассказывала Дэвиду до того, как заболела. При этом она часто держала в руках книгу и нежно поглаживала пальцами обложку, точно так же, как гладила лицо отца или самого Дэвида, если он говорил или делал что-то, напомиравшее ей, как сильно она его любит. Звук маминого голоса казался Дэвиду песней, каждый раз исполнявшейся по-новому, с новыми оттенками звучания. Когда он подрос и музыка стала важна для него (хотя и не настолько, как книги), мамин голос уже представлялся ему не песней, но своего рода симфонией с бесконечными вариациями на знакомые темы и мотивы.

вами, изменяющимися в соответствии с ее настроением и желаниями.

С годами чтение книг стало для Дэвида более уединенным занятием, пока мамин недуг не вернул их обоих в его детство, но с противоположными ролями. Правда, и до ее болезни он часто заходил тихонько в комнату, где мама читала, улыбался ей (и всегда получал улыбку в ответ), садился рядом и погружался в собственную книгу. Они блуждали каждый в своих мирах, но делили друг с другом место и время. По лицу мамы Дэвид всегда мог понять, оживает ли в ней история из книги, живет ли она в этой истории. Тогда он снова вспоминал ее слова о сказках, об их власти над нами и о нашей власти над ними.

* * *

Дэвид навсегда запомнил день маминой смерти. Он был в школе и учился — или не учился — разбирать стихотворение. Голова его была забита дактилями и пентаметрами, словно это были неведомые динозавры, населяющие затерянный доисторический мир. В класс явился директор школы и подошел к учителю английского мистеру Бенджамену (или Биг-Бену — так прозвали его за высокий рост и привычку доставать из жилета карманные часы, чтобы зычным траурным голосом медленно отсчитывать ход времени перед непослушными учениками). Директор школы стал что-то шептать мистеру Бенджамену, а тот важно кивал в ответ. Потом мистер Бенджамен повернулся к классу, и его глаза остановились на Дэвиде. Он заговорил мягче, чем обычно. Назвал Дэвида по имени и сказал, что тот освобождается от занятий и ему нужно собрать вещи и следовать за директором. И Дэвид понял, что случилось. Он понял все раньше, чем директор отвел его в кабинет школьной медсестры. Он понял все раньше, чем увидел медсестру с пригото-

ленной для него чашкой чая. Он понял все раньше, чем директор встал перед ним, с виду, как обычно, суровый, но явно старавшийся быть поласковее с осиротевшим мальчиком. Он понял все раньше, чем чашка коснулась его губ и были произнесены слова, и чай обжег ему рот, напомнив о том, что он жив, а мамы больше нет.

Даже бесконечно повторяемых ритуалов оказалось недостаточно, чтобы ее сохранить. Потом Дэвид гадал, не совершил ли одно из положенных действий ненадлежащим образом. Может быть, он как-то ошибся в то утро, или ему следовало добавить еще какой-то ритуал, способный все изменить? Теперь это не имело никакого значения. Мама ушла. Он мог бы остаться дома. Он всегда беспокоился о маме, когда был в школе, потому что вдали от нее не мог контролировать ее существование. В школе ритуалы не действовали. Исполнять их там было гораздо труднее, ведь в школе свои правила и ритуалы. Дэвид пытался придумать замену домашним ритуалам, но это было совсем не то. Теперь мама заплатила за это.

И только тогда, устыдившись своей оплошности, Дэвид заплакал.

* * *

Последующие дни были заполнены расплывчатыми очертаниями соседей и родственников, непонятных мужчин, гладивших его по голове и совавших ему в руку шиллинг, и крупных женщин в темных платьях, с плачем прижимавших Дэвида к груди, наполняя его ноздри запахами духов и нафталина. Он не ложился спать до позднего вечера, забившись в угол гостиной, пока взрослые обменивались воспоминаниями о той маме, какую он совершенно не знал. Это было незнакомое существо с жизнью, обособленной от его собственной: девочка, которая не плакала, когда умерла ее старшая сестра, отказываясь

верить, что любимый человек может исчезнуть навсегда, без возврата; малышка, которая на целый день убежала из дома, потому что после какой-то мелкой провинности отец в порыве гнева пригрозил отдать ее цыганам; прекрасная женщина в ярко-красном платье, которую отец Дэвида увел из-под самого носа другого мужчины; белоснежное видение, которое на собственной свадьбе уколосось шипом розы, оставив кровавое пятно на платье.

Когда Дэвид наконец уснул, ему снилось, будто он действующее лицо всех этих рассказов, участник каждого этапа маминой жизни. Он больше не был ребенком, слушающим истории о былых временах. Он стал очевидцем каждой из них.

* * *

В последний раз Дэвид видел маму в зале похоронного бюро, перед тем как закрыли гроб. Она изменилась и не изменилась одновременно. Она больше походила на ту, какой была до болезни. Она была накрашена, как по воскресеньям — в церкви или на прогулке, когда они с отцом Дэвида уходили обедать или в кино. Она лежала в своем любимом синем платье, сложив руки на животе. Пальцы были обвиты четками, но кольца с них сняли. У нее были очень красные губы. Дэвид стоял над ней и трогал ее руку. Рука была влажной и холодной.

Отец стоял рядом. Они остались вдвоем в этом зале. Все остальные вышли. На улице ждал автомобиль, чтобы отвезти Дэвида с отцом в церковь. Этот автомобиль был большой и черный. Мужчина, сидевший за рулем, носил форменную фуражку и никогда не улыбался.

— Ты можешь поцеловать ее на прощание, сын, — сказал отец.

Дэвид посмотрел на него. У отца были воспаленные глаза. В тот первый день, когда Дэвид вернулся из школы, отец плакал, а потом обнял его и пообещал, что все

будет в порядке. С тех пор отец не плакал. Теперь Дэвид смотрел, как из его глаза выкатилась большая слеза и медленно, почти растерянно поползла по щеке. Он снова повернулся к маме. Потом нагнулся и стал целовать ее лицо. Она пахла химикалиями и чем-то еще, о чем Дэвид не хотел думать. Он ощущал это на ее губах.

— До свидания, мам, — прошептал Дэвид.

У него саднило глаза. Он хотел что-нибудь сделать, но не знал что.

Отец положил руку ему на плечо, потом склонился над гробом и нежно поцеловал маму Дэвида в губы. Прижался щекой к ее щеке и что-то прошептал, но Дэвид не расслышал слов. Потом они ушли, и когда хозяин похоронного бюро с помощниками вынесли гроб, тот был уже закрыт, и единственным признаком того, что там лежит мама, была маленькая металлическая пластинка на крышке с ее именем и датами жизни.

Той ночью они оставили маму в церкви. Если б Дэвид мог, он не покинул бы ее одну. Он гадал: одиноко ли ей? Знает ли она, где находится? Она уже на небесах, или это случится, когда священник произнесет последние слова и гроб закопают в землю? Ему не хотелось думать, что мама лежит там в одиночестве, запечатанная деревом, медью и гвоздями, но он не мог говорить об этом с отцом. Отец не понял бы, и все равно ничего не изменить. Ему нельзя было остаться в церкви, поэтому Дэвид пошел в свою комнату и пытался представить, каково ей сейчас. Он задернул шторы на окнах и закрыл дверь в спальню, чтобы стало как можно темней, а потом залез под кровать.

Под низкой кроватью было совсем тесно. Она стояла в углу, и Дэвид протискивался туда, пока не коснулся стены левой рукой. Тогда он крепко закрыл глаза и лежал совершенно неподвижно. Немного погодя попробовал поднять голову и сильно ударился о рейки, на которых

лежал матрас. Надавил на них лбом, но они были приделаны накрепко. Дэвид попытался руками приподнять кровать, но она оказалась слишком тяжелой. Он вдыхал запахи пыли и своего ночного горшка. Закашлялся. Глаза наполнились слезами. Наконец решил вылезти из-под кровати, но сколько ни ерзал, выбраться отсюда не получалось. Дэвид чихнул и больно стукнулся головой о дно кровати. Его охватила паника. Голые ноги елозили по деревянному полу в поисках опоры. Вцепившись в планки, он подтягивался и перебирал руками, протискиваясь к изголовью кровати, пока не сумел наконец вылезти наружу. Встал и, тяжело дыша, прислонился к стене.

Вот какова смерть: быть на веки веков замурованным под спудом в тесном пространстве...

Маму похоронили январским утром. Земля была твердой, все надели пальто и перчатки. Гроб казался слишком коротким, когда его опускали в землю. В жизни мама всегда была высокой. Смерть уменьшила ее.

* * *

В последующие недели Дэвид погрузился в книги, потому что его воспоминания о маме были неразрывно связаны с книгами и чтением. К нему перешли те ее книги, что считались «подходящими». Он читал романы, которых не понимал, и стихи, толком не зарифмованные. Иногда он задавал о них вопросы отцу, но того мало интересовали книги. Дома он все время читал газеты, и над страницами, как над сигнальными индейскими кострами, поднимались завитки трубочного дыма. Отец больше, чем обычно, был захвачен событиями современного мира, потому что армии Гитлера продвигались по Европе и все более реальной становилась угроза нападения на их собственную страну. Мама Дэвида однажды сказала, что отец раньше читал много книг, но утратил эту привычку, с головой погрузившись в газетные статьи. Те-

перь он предпочитал газеты с длинными колонками, где каждая буквица была аккуратно уложена вручную, дабы сообщить новости, теряющие всякую значимость почти сразу после появления в газетных киосках. Эти события устаревали и умирали в момент прочтения, оставленные позади другими событиями из окружающего мира.

Истории в книгах не сравнятся с газетными историями, говорила мама Дэвида. Истории из газет — как только что пойманная рыба, достойная внимания лишь до тех пор, пока она остается свежей, то есть совсем недолго. Они похожи на уличных мальчишек, вразнос торгующих вечерними выпусками, шумных и назойливых. А настоящие, правильно выдуманные истории напоминают строгих, но всегда готовых помочь библиотекарей в богатой библиотеке. Истории из газет иллюзорны, как дым, и долговечны, как мухи-однодневки. Они не пускают корней, а стелются по земле, подобно сорной траве, и воруют солнечный свет у более достойных рассказов. Мысли отца Дэвида всегда были заполнены визгливыми соперничающими голосами, умолкшими лишь тогда, когда тот переставал уделять им внимание, но их гам тут же сменялся новым. Все это мама с улыбкой шептала Дэвиду, пока отец хмуро кусал свою трубку. Он понимал, что мама и Дэвид говорят о нем, но не желал доставлять им удовольствие и показывать, что они раздражают его.

Вот почему именно Дэвиду пришлось хранить маминны книги, и он добавил их к тем, что были куплены для него. Среди его книг были истории о рыцарях и воинах, о драконах и морских чудовищах, народные и волшебные сказки. Именно такие книги мама Дэвида сама любила в детстве. Он читал их маме, когда болезнь постепенно овладевала ею, ослабив голос до шепота и сделав дыхание тяжким, как скрежет старого наждака по гниющему дереву. Потом это усилие стало для нее чрезмерным, и она перестала дышать вовсе. После ее смерти Дэвид